18+

A rún

kayatale

kayatale

A rún

«Издательские решения»

kayatale

A rún / kayatale — «Издательские решения»,

Ирландия, 18–19 века: туманные пустоши, пабы, где за кружкой эля рассказывают то, во что не хочется верить, старые дороги, ведущие к отвесным клифам, и ветра, взывающие голосами умерших.Тринадцать историй. Тринадцать дверей. За каждой — своя тайна, своя нежность и своя ложь. Одна дверь пахнет вереском и мёдом, другая — воском и книжной пылью, третья — солью моря и чужим страхом. Но стоит открыть их все — и станет ясно: это не сборник рассказов, а единый узор, сотканный из узловатых нитей.

© kayatale
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 6
НАСЛЕДНИЦА ДОМА КЕЙН 8
СКВОЗЬ СНЕЖНУЮ БУРЮ 15
СКАЗАНИЯ МОРЕЙ 22
Конец ознакомительного фрагмента. 24

A rún

kayatale

A rún [А рун] — ирл. «любимый, любимая».

© kayatale, 2026

ISBN 978-5-0071-5922-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Истории — это спутанный клубок тончайшей пряжи. Только неторопливо, осторожно разматывая шерстяное волокно, удастся распустить узелки и добраться до истока, не порвав нить.

Будь внимателен, читатель, ведь даже самая незначительная деталь может как приподнять для тебя завесу, скрывающую истину, так и, оставшись незамеченной, утаить её навсегда.

В именах и названиях ты найдёшь подсказку, в привычках и повадках героев — связующую цепь, а скалистые клифы и бескрайние равнины сами перенесут тебя в нужную точку, где потребуется лишь повернуть ключ, чтобы открыть замок двери, за которой скрываются тайны.

И позволь напоследок дать тебе совет: читай не разумом — но сердцем, ведь одно оно чутко и способно увидеть правду даже там, где будет казаться, всё сплетено из лжи.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Небольшого росточка, сухонький, почти эфемерный, он сидел на гладком сером камне у самой кромки воды, задумчиво всматриваясь в зеркальную поверхность необъятного озера, в которой отражались проплывающие облака. Выглядел он настолько невзрачно и тускло, будто был и не человеком вовсе, а лишь частью пейзажа. Но кое-что в нём всё же меня привлекло — губы мужчины непрестанно шевелились, складывая слова в причудливую вязь льющихся из него, как из музыкальной шкатулки, сказаний.

Я наблюдал за ним долгое время, прежде чем решился подойти. Солнце уже начало клониться к закату, стало зябко, но мужчину это, похоже, нисколько не волновало.

— Холодает, — произнес я, поёжившись, чтобы начать разговор.

Он повернулся ко мне, печально улыбнулся и глухо, как горное эхо, повторил за мной: «Холодает», а потом губы его опять пришли в движение.

— Позвольте спросить, — заинтригованный, я осмелился продолжить. — Я заметил, что вы давненько сидите здесь. Кого-то ждёте?

— Жду? — снова эхом отозвался человечек. Мне подумалось, что на этом наш разговор и закончится, но, к моему удивлению, он ответил. — Я жду только освобождения, ничего больше.

— Освобождения от чего? — насторожился я.

— Истории, истории…

Впалые, осунувшиеся щёки мужчины провалами зияли на лице, грустные бесцветные глаза смотрели устало и безнадёжно — казалось, он несёт в себе какой-то неподъёмный груз.

Мне стало так жаль этого несчастного, потерянного человечка, что я не удержался и поинтересовался, могу ли хоть чем-то ему помочь.

— Но готовы ли вы? — недоверчиво вопросил он.

Несмотря на зародившиеся внутри подозрения и страх, что мужчина потребует чего-то предосудительного, что-то сподвигло меня ответить: «Да».

— Побудьте со мной до рассвета, — попросил человечек. — У меня осталось несколько историй, которые должны быть рассказаны.

— И это всё? — с облегчением выдохнул я.

— Всё, — подтвердил мужчина. — Но, поверьте, эта ночь может стать для вас тяжким испытанием, изменить вас.

Мне стало не по себе.

— Вы чего-то боитесь? Вам кто-то угрожает?

— Нет-нет, ничего такого, о чём вы могли бы подумать, — поспешил разуверить меня собеседник и понуро добавил. — Вы вправе отказаться, я и не подумаю осуждать вас.

Я медлил с ответом, терзаясь сомнениями — не пытается ли незнакомец заманить меня в ловушку или, дождавшись темноты, напасть и ограбить, но любопытство взяло верх. Поплотнее запахнув пальто, я закутался в шарф и примостился на камень рядом с мужчиной.

— Я побуду с вами, — сказал я. — И буду рад услышать ваши истории.

Лицо человечка озарила широкая лучезарная улыбка, переключившая внутри у него какой-то рычаг и осветившая тщедушное тельце изнутри, а во взгляде проступило неимоверное облегчение.

— Неужели же я смогу… неужели покой… — с робкой радостью проговорил мужчина и, облизав обветренные губы, торопливо, словно опасаясь, что я передумаю и сбегу, начал свою первую сказку.

Я пробыл с ним до рассвета, как и пообещал.

Прилипнув к валуну, оказавшемуся в центре воронки вихря образов и видений, рождаемых мерным шёпотом мужчины, онемевший, потерявший все чувства и обратившийся в слух, эту бесконечно долгую страшную ночь я созерцал разворачивающиеся события, не в силах — даже если бы у меня появился такой порыв — изменить или остановить поток историй.

Только когда первые лучи солнца коснулись воды, пелена, окружавшая нас, стала меркнуть и постепенно спала.

Спина моя была влажной от пота, сердце бешено стучало в рёбрах. Я попытался хоть что-то вымолвить, закричать — пересохшая гортань сжалась, но не издала и звука.

— Как же я устал, — наконец закончив, произнес человечек.

Это были последние слова, что я услышал от него.

Шар светила полностью выплыл из-за холма.

Мужчина улыбнулся мне напоследок, легко спрыгнул с камня и приземлился, по-кошачьи мягко коснувшись земли. Рассеянный поток утреннего света подхватил его невесомое тело, прочертил ему путь.

Шумно втягивая воздух, пытаясь надышаться, я смотрел, как человечек медленно заходит в озеро. Вдумчиво, в каком-то торжественном молчании, делал он каждый свой последующий шаг, упорно погружаясь всё глубже и глубже до тех пор, пока холодные воды не сомкнулись над его головой.

Мелкая рябь, нарушившая идеальную поверхность, вскоре прошла, и озеро стало ровно таким же гладким, как было раньше — как будто никогда оно не знало ни историй, ни самого рассказчика.

Бледно-розовый восход ласкал горизонт.

Я просидел ещё какое-то время, обессиленный и оцепеневший. А потом несмело, не до конца доверяя своему телу всё же осторожно поднялся и, пошатываясь, побрёл домой.

Способность говорить долго не хотела возвращаться ко мне — так и ходил я, беззвучно открывая рот, как бессловесная рыба, пытаясь объясниться со всеми при помощи жестов и письма, и не имея даже возможности толком поведать, что же произошло со мной.

Но однажды ночью, ворочаясь в своей постели и безуспешно пытаясь заснуть, я вдруг увидел её — полупрозрачную фигуру с длинными, вьющимися волосами и горделиво вскинутым подбородком.

Она коснулась моих губ тонким пальцем, прильнула к моей груди и вошла в мою плоть.

Я зашевелил губами, из моего горла сначала тихий, но постепенно всё более уверенный и твёрдый раздался голос — её голос. Раздался для того, чтобы она могла рассказать свою историю.

С этого дня они начали приходить всё чаще, одолевая меня и днём, и ночью. Умоляя, настаивая, требуя, заставляя. Я распрощался со сном и потерял аппетит, я пытался скрыться от них в домах друзей и самых глухих уголках графства, но они находили меня везде. Вскорости мне пришлось расстаться с родными и близкими — общение со мной превратилось для них в муку, позабыть о привычных забавах и рутинных делах. Даже о такой мелочи, как о праве побыть наедине с собой, не мог я теперь и мечтать — ведь никогда больше я не оказывался один. Все радости истончились, иссякли.

Но кое-что в моей жизни всё же осталось — истории.

И я хотел бы рассказать их вам.

НАСЛЕДНИЦА ДОМА КЕЙН

Была поздняя осень. Она стояла, продрогшая и вымокшая до нитки, под кроной старинного клёна, листья которого осыпались, обнажив высохший скелет ствола, и смотрела на покосившиеся двери паба, всё не решаясь войти. Одноэтажная постройка с облезшей местами краской располагалась на отшибе города, почти у самого кладбища, и служила пристанищем для бедняков и опустившихся пропойц, готовых отдать последние деньги, завалявшиеся в их дырявых карманах, за глоток дешёвого пойла.

Приличной девушке не пристало появляться в таких местах, особенно в позднее время и без сопровождения, но выбора не было.

Подол её длинного платья, насквозь пропитавшись влагой и глинистой грязью, неприятно лип к ногам, руки замёрзли и приобрели болезненный синеватый оттенок, изо рта вырывались облачка пара. Помедлив ещё немного, девушка опустила вуаль на шляпке и твёрдо направилась к двери.

Атмосфера, царящая внутри паба, в полной мере соответствовала его убогому внешнему виду: обшарпанные стены, грязные столы, старая посуда со сколами и намеренный мрак, призванный скрыть столь явную разруху. Посетительница брезгливо поморщилась, замерев в дверном проёме, вновь засомневавшись, стоит ли оставаться.

— Дамочка, захлопните-ка дверь! Наплевать, с этой или другой стороны, лишь бы поскорее! А то мы тут себе все задницы отморозим, — прикрикнул на неё владелец, похожий на откормленного борова, с лоснящейся проплешиной на голове и внушительными бакенбардами. — Пожалуйста! — добавил он и изобразил жеманный поклон, чем вызывал смех у пары забулдыг.

Девушка быстро захлопнула за собой дверь и сделала несколько шагов вперёд, но тут же в отороплении остановилась, не зная, куда двинуться и в какой угол забиться, чтобы не привлекать излишнего внимания. За барной стойкой ей оказаться не хотелось — не после такого приветствия уж точно, и она озиралась, пытаясь найти свободный и хотя бы относительно чистый столик, но все места были заняты. Куда бы посетительница ни повернула голову — везде натыкалась на колючие взгляды и сальные улыбки. Кожей она ощущала дурные помыслы всех этих людей: развращённых, жестоких, завистливых.

Почти в отчаянии девушка развернулась уже обратно к двери, чтобы сбежать, но её взгляд зацепился за одинокого, одетого в чёрный костюм мужчину, пристально смотрящего на неё из-за своего столика. Ему было не больше двадцати пяти, наружность — приятная, и, видимо, он нередко одаривал окружающих широкой улыбкой, угадывающейся по отпечатавшимся линиям мимических морщин. Но сейчас лицо этого человека напоминало скорее маску ужаса — уголки губ, как бы мужчина ни силился, кривились вниз, а сами губы нервно подрагивали.

Поняв, что замечен, незнакомец дёрнулся, а потом, после небольшого замешательства, всё же принужденно улыбнулся и сделал девушке приглашающий жест. Хоть ночная гостья и не была расположена к беседам, продолжать стоять в нерешительности посередине паба становилось всё более неловко, так что она благодарно кивнула в знак согласия и быстро протиснулась к столу.

Какое-то время они сидели молча.

Молодой человек сверлил девушку взглядом, его губы беззвучно шевелились — было похоже, что он всё повторяет и повторяет одно и то же слово, но боится произнести его вслух.

Наконец, мужчина не выдержал и прошептал: «Морелла? Это ты?», после чего, будто в испуге от собственного вопроса, воровато огляделся по сторонам и вскинулся к девушке, чтобы сдернуть с неё вуаль.

Она отпрянула прежде, чем он успел прикоснуться, и взвизгнула: «Держите руки при себе!». Тело её напряглось, в любую секунду готовое вскочить и бежать прочь.

Собеседник, упав обратно на стул, попробовал втянуть воздух, но не смог. Он прижал ладонь к груди, задыхаясь. Его пальцы тряслись, кожа сделалась бледной. Что-то мучило его, терзало. В полумраке паба он отчаянно пытался рассмотреть лицо незнакомки сквозь ткань.

— П-п-простите… — обрывисто залепетал он, продолжая держаться за сердце. — Прости. Моя Морелла… я только… Морелла?

— Я не Морелла, — прервала девушка, наблюдая за ним, всё ещё настороженная, готовая к бегству.

На лице собеседника, как по щелку, вновь проступили краски.

— Обознался, — сипло выдавил мужчина, судорожно втянув в себя воздух, и откинулся на спинку стула. — Боже, я просто обознался, обознался! — из его горла вырвался нервный, почти радостный смешок.

Несколько посетителей обернулось в их сторону.

Молодой человек тем временем окончательно пришёл в себя и затараторил: «Простите, Бога ради, простите. Вы не представляете, что со мной сотворило ваше появление. Манеры, походка, волосы — я подумал, что вы — это она! Но слава всем святым, я обознался! Теперь вот вижу, даже голос у вас совсем другой — высокий и звонкий, — он будто заново посмотрел на девушку. — Вы вся продрогли… Подождите я принесу вам выпить и поесть, — незнакомка хотела возразить, но мужчина прервал её. — Нет-нет, позвольте мне хоть таким образом извиниться за то, что напугал вас. Не обещаю изысканных яств, но что-то для утоления жажды и голода добуду».

Вскоре на столе появилась тарелка с боксти, обжаренный бекон, нарезанный крупными ломтями хлеб с изюмом и дымящийся тодди. Девушка недоверчиво посмотрела на мужчину, но после промедления всё же обхватила кружку холодными руками и почувствовала, как онемение в пальцах отступает.

— Я попросил добавить побольше виски, полагаю, вам это сейчас пойдет на пользу. Прошу вас, не стесняйтесь и угощайтесь — это лучшее, что мне удалось раздобыть в этой дыре. Вообще-то я редко бываю в подобных местах, но сегодня так уж сложилось.

Слегка приоткрыв завесу вуали, она сделала глоток — по телу распространился жар. Девушка вдруг ощутила зверский аппетит и, подавив в себе чувство тревоги, набросилась на еду. С отстраненной улыбкой мужчина следил за её трапезой.

— Приятно видеть, когда у юной мисс хороший аппетит. Не то, что у моей Мореллы. Она была такой тонкой, такой хрупкой…

Искорки жизни, едва забрезжив, вновь пропали из его глаз. Он вспомнил, почему оказался здесь, в этой забытой Богом грязной дыре. Он оказался здесь из-за неё.

Молодой человек бездумно достал из кармана часы с откидной крышкой и проверил время, хотя казалось, что он не ответил бы на вопрос: «Который час?», даже глядя на циферблат — столь потерянным и пустым стал его взгляд. Убирая часы обратно в карман, он слишком поторопился и зацепился крупным золотым перстнем, надетым на мизинец, за ткань. Послышался треск.

Мужчина нервно улыбнулся, выпутывая руку.

Мгновенно ощутив очередную перемену настроения собеседника, девушка тревожно замерла над тарелкой. Недоконченная порция притягивала её голодный взгляд, но витавшая в воздухе опасность не позволяла вернуться к еде.

Молчание затягивалось. Мужчина заёрзал на стуле — он весь был, как натянутая струна. Спутница, напротив, застыла, не шелохнувшись.

И тут он, сам так и не поняв почему, заговорил. Он говорил сбивчиво, торопливо, стыдливо утирая покрасневшие глаза тыльной стороной ладони. Он говорил, стараясь избавиться от яда, разъедавшего его изнутри, говорил, в надежде на искупление.

Её звали Морелла, Морелла Кейн. Она была единственной наследницей и законной владелицей замка на скале Кашел. Семейство Кейн, некогда богатейшее и уважаемое, в год рождения Мореллы могло с уверенностью утверждать лишь то, что оно «уважаемое», поскольку от богатства, к несчастью, осталось не так много. Члены семьи жили в нескольких комнатах замка, остальные пришлось закрыть из-за невозможности должного ухода, по этой же причине камины топили только в жилых залах. В коридорах вечно гуляли сквозняки и царила сырость.

Осиротев в семнадцать лет — сначала скончалась от тифа её мать, почти сразу за ней отец, подхвативший ту же заразу, Морелла осталась совсем одна в этом непомерно большом для неё и таком холодном доме.

Как поговаривали, у Мореллы была ещё единоутробная сестра, но та делась невесть куда пятью годами ранее. В то лето недалеко от стен замка, высившегося чуть поодаль от города, разбили лагерь пейви — они зарабатывали, показывая фокусы на ярмарках, добывали себе дичь, охотясь в лесах, а каждую ночь жгли костры и устраивали празднования с выпивкой и плясками. Горожане никогда не были излишне консервативны, но слухи, ходившие об образе жизни пейви, об их тёмных делишках и колдовстве, возмутили даже самых свободных нравом. Волнения всё нарастали и нарастали и уже были готовы вылиться в погром лагеря пейви, но те неожиданно исчезли сами, не оставив никаких следов своего пребывания. Никто из местных жителей, как ни пытался, не мог вспомнить даже лиц временных поселенцев. В день пропажи пейви сгинула без следа и сестра Мореллы.

Когда Джон — так именовали рассказчика — впервые увидел Мореллу, она, меньше месяца назад потерявшая родителей, стояла в тени фамильного склепа и сама походила на призрак: изящная, тонкая, с почти светящейся белой кожей и спадающим до пояса потоком волос.

— Здравствуй! — сказала она, заметив мужчину. Джон попытался учтиво поклониться — вышло у него донельзя неуклюже, и Морелла невольно рассмеялась — удивительно бархатистым, грудным смехом.

И он пропал.

Джон никогда не думал, что простой сын мясника сможет заполучить в жены столь знатную особу, но всего через полгода после той встречи Морелла стала его законной супругой, а он сам — хозяином замка.

Казалось, жизнь удалась: красавица жена, собственные владения, никакой больше бедности и тошнотворного запаха свиной крови. Но всё было не так просто — Джон имел крайне слабое представление о том, сколько затрат требуется на содержание огромного замка. И если родителям Мореллы удавалось держаться на плаву и вести достойную жизнь, сохраняя фамильные ценности, с их смертью и появлением в замке Джона дела пошли совсем плохо. Как и многие бедняки, он считал, что раз уж у тебя есть замок — ты богат, а если богат — трать сколько хочешь и бери все удовольствия, которые можешь добыть. Из-за такого подхода всё больше замок, не получающий должного ухода, начинал походить на запустевшую каменную клеть.

От навалившихся трудностей и разочарования Джон пристрастился к виски и пил почти каждый день, а потом уезжал играть в карты. Везло ему нечасто. Морелла, осторожно пытавшаяся вразумить Джона, лишь раздражала супруга. Он-то думал, что вытянул счастливый билет и женился на богачке, а получил вместо этого никому не нужную груду камней и упрёки! Те немногие ценные вещи и драгоценности, передававшиеся поколениями, что так оберегала семья Мореллы и с которыми она сама не рассталась бы даже под страхом голодной смерти,

Джон промотал быстро и легко, не испытывая перед супругой ни капли вины. Но и деньги от продажи реликвий рода Кейн вскоре закончились.

Однажды, просадив в «двадцать пять» значительную сумму и поняв, что расплатиться ему нечем, мужчина впал в отчаяние и ярость.

— Что это ты, Джон, такой важный и карточный долг оплатить не можешь? — подначивали его дружки-игроки.

Джон почувствовал, как заливается краской стыда, и возненавидел себя, возненавидел эти наглые, ухмыляющиеся рожи и проклятый замок. На кой чёрт он вообще нужен, если продолжаешь жить, как бедняк, а то и ещё хуже?

Словно прочтя его мысли, один из присутствующих мужчин — он не участвовал в игре, а был лишь бесстрастным наблюдателем, — наклонился к Джону и так, чтобы услышал только молодой человек, прошептал: «Я могу помочь вам избавиться от замка — сорвёте солидный куш. Подумайте, к чему вам эти проблемы, когда можно получить деньги и жить безбедно до конца своих дней? Я оплачу ваш проигрыш и готов предоставить изрядную сумму взаймы — вернёте долг, как сможете… с небольшими процентами, конечно».

Джон немного помешкал, а потом согласился, и они ударили по рукам.

Дело было сделано.

Всю дорогу до дома в затуманенном сознании Джона не переставая крутились слова мужчины из игорного клуба. Согласно его увещеваниям, легко можно было разжиться целым состоянием, и Джон начал прикидывать, как бы провернуть дельце поскорее — обещанные золотые горы жгли ему карман.

Утром следующего же дня Джон объявил жене о своих намерениях, будучи уверенным, что получение одобрения супруги — формальность, но, к своему удивлению, ужасу и злости Джон услышал её тихое, но твёрдое: «Нет». Кроткая от природы Морелла никогда не спорила с мужем, но в вопросе передачи официальных прав на замок оказалась на удивление упёртой. Каждый день Джон пытался уластить Мореллу или, напротив, надавить на неё, но супруга оставалась непреклонной.

Мысли об ускользающей сделке стали для Джона сродни навязчивой идее — ему казалось, что лишь в случае успешной реализации своей задумки он сможет зажить свободно и вольготно. Джон всё больше злился и нервничал: загадочный мужчина из клуба мрачной тенью нависал над ним, оговоренная дата отчуждения замка неуклонно близилась, проценты по долгу росли, а Морелла не сдавалась.

Хотя Джон и начал замечать, как тяжело даются жене эти споры и как сильно сказываются их разногласия на её здоровье, заставить себя остановиться он не мог.

— Я так винил себя потом за то, что не был хорошим мужем. Каждый раз принося ей после ссор такой же бодрящий тодди, как вам сейчас, я вставал перед ней на колени и вымаливал прощение. Но неизбежно всё начиналось сначала, ведь выбора у меня не было — я попался в ловушку, — надтреснутым голосом сказал Джон, шумно всхлипнул и неуклюже стёр прорвавшуюся слезу. — Как мог быть я столь слеп! Мне досталось великое счастье — просто быть с ней, а я всё потерял в погоне за этим проклятым золотом! Конечно, конечно, я не хотел и не думал, что всё так выйдет, я делал это в первую очередь для Мореллы, для нас, но…

Девушка, у которой горло перехватило от напряжённого рассказа мужчины, сделала осторожный глоток ещё горячего напитка. Тодди обжег её, заставил закашляться, но Джон не обратил на это внимания или же и вправду настолько погрузился в себя, что не услышал.

— Мы стояли на лестнице, на самом верху. Я вновь начал просить её подумать о нашем будущем и избавиться от замка, который тянет на дно. И вдруг её глаза закатились, она пошатнулась и сорвалась. Будь у меня секундой больше — и я бы успел, я бы успел её поймать. Но секунды у меня не было. Мгновение — и Морелла оказалась внизу, она лежала, раскинув руки в стороны, как тряпичная кукла, платье задралось. Я тут же побежал к ней, перескакивая через

ступени, сам рискуя сорваться и свернуть себе шею, но помочь уже ничем не мог. Она лежала совсем как живая, ещё тёплая. Но была мертва.

Джон закончил.

Он посмотрел на собеседницу, в его взгляде читалась горечь, но был и вызов. Вот он я, — словно бы говорил он. — Я признаю свою вину, я скорблю об утрате, я исповедался и открыл свою душу. Я был плохим мужем, но я невиновен, ведь искренне любил её.

— Так значит похороны прошли сегодня? — помедлив, как-то невпопад уточнила девушка.

Вопрос обескуражил мужчину, он ждал другой реакции — понимания, поддержки, хоть какого-то подобия человечности, в конце концов. Но Джону удалось обуздать всколыхнувшееся в нём от столь явного равнодушия слушательницы раздражение.

— Верно, сегодня я в последний раз припал к губам моей любимой, прощаясь с ней, — сказал он, и глаза мужчины вновь увлажнились. — Теперь представляете, как шокирован я был, увидев вас…

— Представляю, представляю… — задумчиво произнесла собеседница, а затем, опершись локтями о стол, подалась вперёд и с неожиданной злобой медленно и чётко, вбивая в Джона, как гвозди в крышку гроба, слова сказала. — Зато проблем с деньгами теперь испытывать не будете. Никто не сможет помешать вам промотать и замок. Сделка ведь назначена уже на завтра?

— Что вы имеете в виду? Какое право вы, собственно, имеете! Ты, мерз… — вспыхнул от негодования Джон. Сотня мыслей пронеслась в его голове. Он стрельнул глазами на соседние столики — все были заняты своими делами. Мужчина рванул навстречу девушке, навалившись на столешницу, в его голосе плескалась ярость, в глазах не осталось слез — только ненависть. — Отвечай, стерва! — он больше не строил из себя хорошего парня и безутешного вдовца. Лоскуты этой роли слетели с него, как истлевшая бумага. Он показывал себя таким, каким был на самом деле: мелочным и жадным сыном мясника, думающим, что может выбраться из грязи, но лишь пачкающим навеки приставшими к нему навозом и свиной кровью всё вокруг. — Давай, сука, ты мне всё расскажешь или живой тебе отсюда не выйти! Что тебе известно? — всё больше распалялся Джон. Его кулаки сжимались и разжимались, как пульсирующие тиски, готовые схватить, смять, сломить.

— Рассказать правду? — девушка откинула голову назад и вдруг рассмеялась. Низкий женский смех, так хорошо знакомый мужчине, буквально оглушил его.

К волне ненависти, исходящей от Джона, теперь примешался и страх, липкий животный ужас. Его настроение вновь удивительно быстро сменилось — он опять заёрзал на стуле, кровь отлила от лица. А девушка, словно не замечая этого, продолжила дальше, но уже своим природным голосом, как кошка, бархатно, низко мурлыча, отвечая на его вопрос.

— Рассказать тебе правду, жалкое ты отродье? Рассказать, как промотал моё состояние? Как ты распродал семейные реликвии, чтобы потом потратить деньги на выпивку и дешёвых шлюх? Рассказать, как решив выручить деньжат за замок, ты стал подмешивать мне в питье лауданум? Рассказать, как столкнул меня с лестницы, когда кредиторы прижали тебя к стенке и не осталось больше времени на то, чтобы медленно меня травить?!

Джон стал белым, как полотно, левый уголок рта дёрнулся. Он силился взять себя в руки, но не мог.

— Откуда? Откуда ты знаешь? Это не ты, это не можешь быть ты… — заикался он. — Я похоронил тебя сегодня, я был на кладбище.

— На кладбище? Ну что ж, может, тогда ещё рассказать тебе о том, как ты упокоил моё тело не в фамильном склепе, с моей семьей, а закопал в дощатом гробу на отшибе, напоследок содрав с моего пальца то последнее ценное, что у меня осталось? Рассказать тебе, Джон?!

Его била крупная дрожь, он полез в карман за платком, чтобы утереть лоб, боясь оторвать от девушки взгляд, как будто она тут же набросится на него, но достать платок никак не получалось — массивный перстень опять неудачно зацепился за ткань и не давал Джону вытащить руку.

Дверь в паб отворилась, на пороге появилось два мужских силуэта. Местный констебль решительно вошёл внутрь, его сопровождал не самого опрятного вида испуганный старик.

— Эй, есть здесь Джон Мэрфи? Муж Мореллы Мэрфи, в девичестве Кейн? — пробасил констебль.

Выпивохи, сохранившие остатки трезвости, повернулись в сторону вошедших.

Девушка смотрела на Джона, стараясь сохранить его в памяти именно таким — жалким и беспомощным. Он застыл с открытым ртом, но не мог вымолвить ни слова, чтобы откликнуться на спасительный зов. Его свободная от плена кармана, но такая же трясущаяся рука вяло, плохо подчиняясь приказу разума потянулась к груди, пытаясь прижаться к сердечной мышце, беснующейся между рёбер, успокоить её галоп.

— Я спрашиваю, здесь ли муж покойной Мореллы Мэрфи? — настойчиво повторил констебль. — Мне сообщили, что после похорон жены он направился сюда. — Гарбхан, ты его видел? — дружески обратился мужчина к бармену, как видно, давнему своему знакомцу.

— Да что случилось-то? — заголосили охочие до сплетен посетители, пока Гарбхан пытался отыскать глазами предполагаемого Джона Мэрфи. Вроде бы заходил сегодня парень, назвавшийся именем Джон, хотя мало их что ли здесь ходит этих Джонов.

— Случилось… — нехотя проворчал констебль. — Доэрти, ну вы все знаете Доэрти Хейза, — констебль кивнул на старика, боязливо жавшегося поближе к нему. — Делал обход своих кладбищенских владений и наткнулся на осквернённую могилу. Кто-то вскрыл гроб Мореллы Кейн, — со всех сторон послышались гневные возгласы, мужчины повскакивали со своих мест. — Из могилы пропало…

Во всеобщей суматохе лишь девушка с Джоном оставались сидеть неподвижно, не замечая происходящего вокруг, как пара возлюбленных. Последние слова констебля утонули в шуме, но молодому человеку и так всё было понятно — из могилы пропало тело. Морелла пришла, чтобы забрать его с собой.

В болезни и в здравии, в богатстве и в бедности, в жизни и смерти…

— Здравствуй, Джон, — сказала девушка и, наконец, подняла вуаль.

Она неспешно встала из-за стола, поправила платье, которое, к счастью успело высохнуть и, незамеченная, протиснулась к выходу, оставив Джона, уже безжизненного, но ещё тёплого, как Морелла в тот день, в одиночестве сидеть за столом.

Никто не заметил её ухода. Никто не вспомнит к утру, что она вообще когда-то появлялась в этом ужасном, затхлом месте. Так бывало и так будет всегда.

«Неожиданно появляешься — без следа исчезаешь. Запомни, Лигейя».

Дождь давно закончился, небо прояснилось, и теперь девушка могла видеть, как в свете полной, жёлтой, как топлёное сливочное масло, луны горделиво возвышается замок на скале Кашел. Прямой путь к нему пролегал через кладбище — этой дорогой она и отправилась.

Уверенно пробираясь между могильными захоронениями, Лигейя сама не заметила, как скоро оказалась у разорённой могилы Мореллы Кейн.

Морелла лежала в дешёвеньком, грубо сколоченном гробу: её волосы были аккуратно уложены, руки скрещены на груди. На указательном пальце не хватало перстня — того самого, об исчезновении из могилы которого хотел сообщить констебль. Того самого, пропажу которого трусливый Джон Мэрфи, снедаемый тяжестью своего преступления, принял за пропажу тела Мореллы. Того самого, который висел сейчас на причудливо сплетённой серебряной

цепочке на шее Лигейи рядом с другим точно таким же, хоть и полностью почерневшим, перстнем-близнецом.

— Я вернулась, — сказала девушка, присев у края могилы. — Теперь я позабочусь о тебе, сестра.

И на губах Мореллы, хотя, может, это была лишь игра лунного света, проступила улыбка.

СКВОЗЬ СНЕЖНУЮ БУРЮ

Сколько себя помнил, Итан не уезжал от дома дальше, чем на пять миль, и вот чудо — теперь судьба забросила его почти на самую границу графства Шропшир, в небольшую деревушку в предместьях торгового городка Ньюпорт.

События, предшествующие такому переезду, правда, оказались нерадостными.

У Итана была большая семья: три младших брата, сестра-погодка и родители, искренне и нежно любящие друг друга, что, конечно, встречалось довольно редко, учитывая, что браки между мужчинами и женщинами в то время гораздо чаще заключались по сговору, чем по любви.

Отец Итана — охотник и охотник удачливый — делал всё возможное, чтобы семья не бедствовала и не нуждалась в куске хлеба, поэтому на столе у них всегда была свежая и вкусная пища. Итан вспомнил, как набегавшись по лесу, он совсем ещё мальчишкой вместе с сестрой врывался в дом и первое, что его встречало — это ароматный запах свежей еды. Рот сразу наполнялся слюной, а желудок начинало посасывать в предвкушении сытного семейного ужина.

Итан сглотнул — воспоминания так ярко встали перед глазами, что он почти ощутил вкус сочной оленины, растворяющейся во рту. Но только почти.

Когда Итану стукнуло тринадцать, отец не вернулся с охоты. Два дня семья провела в тревожном ожидании и изматывающих поисках, а потом именно Итан обнаружил бездыханное тело, израненное и искалеченное, с перебитой правой рукой и неестественно вывернутой левой, сохранившейся только наполовину — ниже локтя была пустота. Отцу не хватило всего полмили, чтобы вернуться домой.

Иногда добыча всё же оказывается удачливее охотника.

Мать Итана, всегда такая весёлая и беззаботная, в тот страшный для всех них день поседела и загрубела характером.

«Никогда-никогда, мои дорогие, я никому не позволю причинить вам вред, — в слезах шептала она, обнимая обожаемых ребятишек. — Но для этого нам придется уехать, как можно скорее уехать отсюда».

Приняв решение, матушка колебалась недолго. Уже на следующее утро их вещи были аккуратно сложены и погружены в повозку, доставившую женщину с детьми в порт Уиклоу. А ещё через пару недель семейство обживалось в новом доме в Сэмбруке.

Как только обустройство жилища окончилось, мать, подсчитав оставшиеся накопления, отвела Итана в сторонку и завела разговор.

— Что ж, Итан, — сказала женщина. — Ты самый старший, поэтому придется тебе помогать мне и брать ответственность за семью. Как видишь, Сэмбрук — деревня совсем маленькая, пропитание здесь найти непросто, но в шести милях от нас, рядом с Ньюпортом, дела с этим, как я слышала, обстоят получше. Так что, пора, сын, тебе снова собираться в дорогу.

Нелегко было уходить от родных, но мысль о том, что шесть миль — не такое уж большое расстояние и при желании всегда можно будет навестить мать и братьев с сестрой, согревала мальчика. Приободрившись, Итан попрощался с близкими и отправился в путь.

Странствие, однако, продлилось недолго — в первом же зажиточном доме, попавшемся на пути, он без труда нашёл себе место. Смышлёный, серьёзный парень сразу приглянулся хозяевам — опытному кожевнику Грегори Флемингу с женой. Здешний конюх куда-то запропастился, так что Итану предложили занять его должность. Мальчик с готовностью согласился: кров, еда, да ещё и неплохая оплата. А у их семьи каждый пенни сейчас был на счету!

К работе Итан приступил со всей добросовестностью и ответственностью, присущими его характеру, но на конюшне не клеилось: лошади пугались нового конюха, прижимали уши и громко ржали. Как Итан ни старался, ничего у него не выходило, но несмотря на это мистер Флеминг не торопился расставаться с мальчишкой — очень уж тот пришелся ему, так и не заведшему с женой наследника, по душе. Так что, пораскинув немного мозгами, хозяин перевёл на конюшню старика Бэна, а Итана взял подмастерьем. И ни разу об этом не пожалел! Лошади успокоились — Бэн был только рад с ними возиться, а у Грегори появился верный помощник, которому нестрашно было доверить выделку даже самой ценной шкурки.

Дни летели быстро, жизнь Итана вновь обрела веселье и краски, в доме мистера Флеминга его все привечали и баловали. Особенно полюбился мальчик кухарке Урсуле. Имевшая четверых сыновей, давно выросших и выпорхнувших из гнезда, дородная Урсула хлопотала над Итаном, как над родным ребёнком, и всегда старалась подсунуть мальчику кусок пожирнее. Дела у семьи Итана тоже устроились: мать подыскала себе работу, младшие братья подросли и забот с ними стало поменьше, а сестра, единственная девочка в их семье, в свои пятнадцать расцвела и стала настоящей красавицей.

«Жизнь определённо пошла на лад», — думал Итан, пока однажды постучавшийся в дверь хозяйского дома запыхавшийся соседский мальчуган не принёс дурные вести. Грегори с женой были в отъезде — уехали на рождественские праздники навестить тётку мистера Флеминга — и обещались вернуться через несколько дней, поэтому дверь открыл Итан, оставленный хозяином — как тот сам с добрым смехом выразился — «за главного».

— Меня просили передать, что твоя матушка заболела, — с порога выпалил мальчишка сквозь слой толсто намотанного шарфа, до самых глаз скрывавшего его лицо, а потом лихо вытер нос заиндевевшей варежкой.

На дворе стоял декабрь, и была одна из самых лютых зим за всю историю графства. Щёки мальчика раскраснелись, изо рта шёл пар. По всему было видно, что дольше, чем требуется, на улице он задерживаться не собирается — с такой тоской поглядывал сосед на уютный дымок, валивший из трубы его дома.

Итана как ледяной водой окатили. Он никак не мог сообразить, что спросить и, главное, что делать дальше.

— Ну ладно, Итан, я пошёл, — терпение мальчишки не было безграничным, холод больно кусал за щёки. — Пока, желаю ей скорее поправиться! И с Рождеством тебя! — пятясь по ступеням крыльца, крикнул он и побежал в сторону дома.

Итан вышел из ступора, когда у соседа уже только пятки сверкали.

— Подожди, Сэмми! Кто тебе сказал про маму? Сэмми!

Но слова Итана поглотил порыв завывающего ветра, так и не донеся их до ушей Сэмми.

Не находя себе места, Итан слонялся по дому и сам не заметил, как очутился в самой спокойной для него точке — на кухне. Урсула что-то беспечно напевала, готовя жаркое, а потом, услышав шаги, обернулась и увидела мальчика.

— Бог мой, Итан, да на тебе лица нет! Ты заболел? — обтерев правую руку о передник, она приложила ладонь к его лбу.

Итан помотал головой. Он рассказал Урсуле про болезнь матери, про то, что ему обязательно нужно уйти, чтобы помочь. Урсула охала и ахала, говорила, что «в такую пургу ты только околеешь, а матери своей, обледеневшим, ничем не поможешь», отговаривала, убеждая, что «Сэмми-то ещё тот шутник, может статься, что всё с твоей матушкой и в порядке», но Итан был непреклонен.

— Подожди возвращения мистера Грегори, он отвезёт тебя к матери, — привела женщина последний аргумент, оставшийся у неё в запасе. — За пару дней-то навряд ли что дурное случится.

Но и это не подействовало.

Поняв, что отговорить настырного мальчишку не удастся, Урсула принялась собирать ему в дорогу еду, но тревожные мысли не отпускали женщину. И дело было не только во вьюге и надвигающейся темноте, дело было в другом. Урсула не хотела пугать Итана, поэтому никогда не говорила о зверствах, не так давно начавших твориться в их тихой округе, такие разговоры она вела только с миссис Флеминг, приглушенным шёпотом пересказывая ей сплетни, которые услышала от кухарок и прачек из соседских домов. Но не могла же она отправить мальчика в путь, не предупредив об опасности?

— Итан, — ласково сказала Урсула, когда мальчик, уже одетый, зашёл к ней на кухню попрощаться. — Послушай меня внимательно. В последнее время у нас здесь стало неспокойно, начали находить… — она не нашлась, как смягчить новость, поэтому сказала прямо. — Тела. Шериф считает, что это работа волков, которые с голода — зима-то какая лютая выдалась — стали нападать на людей. Был организован отряд, прочесали весь лес, но никакого зверья не нашли.

Итан молчал, внимательно слушая.

«Какой он всё-таки взрослый, не по годам, — подумала женщина, а вслух продолжила. — Постарайся как можно быстрее добраться до Сэмбрука, иди только по дороге, нигде не задерживайся и не заходи в лес. А ещё… ещё я слышала, что в заброшенной лесной хижине по ночам снова мерцает свет. Мне кажется, Итан, мне кажется, дело совсем не в волках».

Крепко обняв Урсулу, Итан с благодарностью принял заготовленную еду и отправился в путь. Снежный буран поглотил мальчика, едва тот переступил порог уютного, тёплого дома — отойдя всего на несколько футов, Итан растворился в рое белых мушек. А Урсула всё стояла и смотрела ему вслед, не замечая, как ветер немилосердно треплет её волосы и заметает прихожую снегом.

Итан шёл и пел про себя песенки, читал детские стишки и считалки — всё, что угодно, что мог вспомнить. Его ноги утопали в вязких сугробах, колючий снег заметал за воротник, а решимость таяла с каждым шагом. Неспешная прогулка до Сэмбрука летом и такой же путь зимой казались ему теперь двумя несоизмеримыми вещами, а собственная самонадеянность — полнейшей глупостью. Он не прошёл и половину пути, а силы покинули его окончательно: лицо горело на морозе, пальцы на ногах и руках потеряли всякую чувствительность, а в голове осталась лишь одна мысль — «Вот бы сейчас прилечь».

Спасаясь от бурана, Итан не мог больше придерживаться наставлений Урсулы и свернул в лес — деревья хоть как-то сдерживали жёсткие порывы ветра и спасали от снега, застилающего глаза. Привалившись к упругим ветвям ели, похожей на сказочную принцессу, согнувшуюся под тяжестью белоснежного манто, Итан перевёл дыхание.

«Ладно, осталось немного, доберусь. Выбора всё равно нет — пуховую перину мне тут никто не предложит».

И было это чистой правдой.

Ветер продолжал завывать, метель и не думала успокаиваться, и Итан уже собрался двинуться дальше, как заметил в глубине чащи какое-то мягкое свечение. И было оно таким тёплым и манящим, что мальчик, забыв про все советы, двинулся к нему. Подобравшись ближе, Итан разглядел, что привлекло его — свет от разведённого камина, пробивающийся сквозь оконце небольшой лесной хижины.

Измученный и промёрзший до костей, Итан замер у двери домика, раздумывая: постучать ему и попроситься погреться или бежать без оглядки. Пока он решался, дверь без какого-либо предупреждения распахнулась сама по себе — над Итаном навис чёрный силуэт. Хозяин дома оказался таким крупным, что мальчик не сразу поверил в его человеческое происхождение.

«Надо бежать!» — кричало нутро Итана, но ноги его приросли к земле.

Силуэт тем временем, видимо, достаточно изучив незваного гостя, отступил внутрь жилища и позволил рассмотреть и себя.

«Это всё-таки человек, — первое, что с облегчением подумал Итан, когда на мужчину пал отблеск каминного огня. — Но какой большой!»

Хозяин дома действительно был внушительных размеров: под семь футов ростом, крупный, его мясистые руки покрывали жёсткие волосы, а голова, казалось, принадлежала существу иной, более древней эпохи — такой она была угловатой и какой-то даже неправильной, с массивной челюстью и выступающими из-под верхней губы острыми резцами. Нижнюю половину лица скрывала густая борода. Итан мельком успел рассмотреть и наряд мужчины — на плечи его была накинута неуклюже сшитая из плохо выделанных волчьих шкур шуба.

— Входи, не топчись на пороге, — прорычал дикарь, и Итан, не сразу разобравший странноватый говор, помедлив, всё же вошёл внутрь.

Блаженное тепло укутало мальчика, притупило чувство страха. Мужчина понимающе ухмыльнулся и кивком указал на кустарно сделанный табурет, стоящий рядом с камином: «Садись».

Не раздеваясь, Итан как в тумане двинулся к предложенному табурету, уселся на него и всего на мгновение, как ему показалось, прикрыл глаза. Хозяин жилища бросил на задремавшего мальчика странный взгляд, подошёл к двери и проверил щеколду — надёжно ли закрыта. Всё было в порядке. Мужчина довольно крякнул и возвратился на свой наблюдательный пост, к окну.

Итан пришёл в себя так же внезапно, как отключился. Не сразу вспомнив, где находится, он сонно потёр глаза, повернулся к окну и, упёршись взглядом в стоящий к нему спиной силуэт, разом очнулся.

Огонь в камине угасал, комната погружалась во мрак, но некоторые детали оставались хорошо различимы. Стараясь даже не дышать, чтобы не побеспокоить своего нового знакомца, мальчик стал украдкой рассматривать обстановку. Мебель в помещении почти отсутствовала, зато пространство щедро заполняли пугающие трофеи: к левой стене в ряд были прибиты три крупные волчьи головы, ощерившиеся в оскале, на полу (он понял это только сейчас) — расстелена шкура, а над дверным проёмом болталась, привязанная верёвкой к искривлённому гвоздю, высушенная волчья лапа. Шерсть на ней показалась мальчику очень необычной — благородного светло-серого оттенка, отдававшего в голубизну. Глядя на лапку, Итан задумался и буквально подскочил на стуле, когда мужчина, не поворачиваясь, рявкнул: «Очухался?!».

— Д-да, сэр, простите, — слабым голосом пробормотал Итан, но, набравшись храбрости, прокашлялся и продолжил уже твёрже. — Спасибо, что приютили меня в столь ненастную погоду.

Ответа не последовало.

Некоторое время мальчик прождал, а потом поднялся и направился к двери, чтобы продолжить путь. Но не успел Итан дотронуться до ручки, как мужчина с удивительной для его комплекции проворностью оказался рядом и оттащил парнишку прочь.

— Сэр! Прошу вас, мне надо идти, — взмолился Итан, безуспешно трепыхаясь в медвежьей хватке. — Отпустите, прошу вас! Моя матушка болеет, я должен идти!

— Матушка болеет! — глумливо передразнил дикарь, не отпуская, легко удерживая мальчика за шкирку одной рукой. — Останешься здесь, пока я не скажу проваливать! Понял меня?

— Я очень тороплюсь! Прошу вас! Моя мать…

Издав утробный рык, хозяин хижины протащил мальчика по комнате, прижал лицом к окну.

— Смотри, — ткнул он пальцем в стекло, указывая на едва различимые в темноте и неутихающей метели тени, мелькающие меж деревьями. — Всё ещё торопишься к своей матушке? — ехидно спросил он.

Итан напряг зрение, вглядываясь во мрак леса. Неужели это… его догадку подтвердил одинокий вой, раздавшийся снаружи. Ошибки быть не могло.

— Нет, сэр. Не тороплюсь, сэр, — прошептал мальчик и вернулся на стул.

— То-то же, — ухмыльнулся мужчина и принялся расхаживать взад-вперёд. — Трусливые твари! Сворой охотятся, а поодиночке — ни на что не способны. Хотя недавно сновал тут один крупный, без стаи. Жаль, поздно заметил — сбежал, — глаза недобро сверкнули. — Но от меня просто так не уйдёшь: пустил вдогонку дроби, последние припасы истратил. Небось уже подох где-то. А нет — найду и добью, мне и ружьё не нужно!

Дикарь не был мастаком трепаться, речь его звучала косноязычно, отрывисто, он перепрыгивал с мысли на мысль, не заботясь о стройности повествования. Но жалкий мальчишка вдруг вызвал в нём прилив словоохотливости — захотелось похвастаться своими охотничьими победами, попугать мальца.

— Много, много, где истреблял я зверье: Мейо, Оффали, Карлоу — по всей Ирландии прошёлся, всех мест и не вспомнить, в Шотландии бывал. Вот теперь и в старой доброй Англии пришло время оставить свой след. Видишь, — он обвёл взглядом комнату, а потом любовно погладил свою шубу из шкур. — Этих голыми руками прикончил, — мужчина злобно улыбнулся, заметив встревоженность мальчика. — Представляешь, что я мог бы сотворить с таким щенком, как ты?!

Итану стало необъяснимо холодно.

— Вы очень смелый, сэр, — мальчик решил умаслить своего пленителя лестью и потянуть время до тех пор, пока не появится возможность сбежать. — Я никогда не смог бы вот так, как вы, взять — и убить волка! А ещё жить один в самой чаще! — от одной только мысли о такой перспективе Итан вздрогнул.

Мужчина заглотил наживку — когда он заговорил, голос его как будто слегка смягчился.

— Не дрейф, никому сюда не пробраться. Обычным волкам сил не хватит, а от прочей, — следующее слово он гадливо выплюнул. — Нечисти. Вон, — кивнул на волчью лапку над дверью. — У меня оберег, почти уж третий год как выручает. Если сами дверь не откроем и не пригласим — не войдут. Так что без глупостей, парень, а то твои косточки потом придётся собирать по всему лесу.

Итан нервно сглотнул так некстати скопившуюся у него во рту слюну.

— Ну что притих? А ну живо рассказывай, куда ты там так бежал, — хозяин вновь стал угрюмым и желчным. — Или рот замёрз?

— Нет, сэр, простите, — вежливо ответил Итан, молясь о том, чтобы не разозлить непредсказуемого собеседника. — Мне передали весточку от моей матушки, она больна. Как только узнал, я сразу же поспешил её навестить. Понимаете, мой отец погиб, — мальчик запнулся, но совладал с собой. — Матушка растит нас одна: моих младших братьев и сестру — ей недавно исполнилось пятнадцать.

— Сестру, говоришь? — на лице мужчины проступила какая-то новая эмоция. — Хороша сестра-то?

— Она настоящая красавица, — не без гордости признался Итан.

Дикарь скабрезно осклабился: «А мне хозяйка как раз не помешает — пора бы и остепениться! Познакомишь с сестричкой, а?».

Увидев, как мальчик побледнел от такой просьбы, собеседник только усилил напор, получая удовольствие от гадливости и страха, легко читавшихся на лице Итана.

— К утру эти твари разбредутся по своим жалким норам, тогда я провожу тебя к твоей мамаше. Понял? И устроишь всё лучшим образом. Да, хозяйка мне не помешает, — ещё раз,

с уверенностью, которая означала лишь одно — дело решённое, проговорил мужчина. — А откажешься — прям сейчас вышвырну тебя на улицу! — он бросил на Итана насмешливый взгляд и гулко расхохотался.

Огонь в камине погас.

К хохоту и одинокому волчьему плачу за окном прибавились и другие голоса. Итану казалось, что он заперт в оркестровой яме — со всех сторон от него нестройно надрывались музыканты. Он глох, но выбраться и спастись возможности не было никакой. Происходящее больше походило на нелепый ночной кошмар.

Вой снаружи становился всё громче.

Итан прилип к стулу и боялся пошевелиться, а мужчина, распаляясь, нарезал круги по комнате, как попавшийся в ловушку зверь. Очередной круг — и дикарь вдруг остановился, откинул голову назад и тоже взвыл. В почти полном мраке ревущий силуэт представился мальчику мифическим созданием, жутким «волчьим королём», сросшимся из нескольких волков и навсегда застрявшим в этом огромном, несуразном теле.

«Он лишился рассудка», — с ужасом осознал мальчик.

Мужчина завывал хрипло, грубо, издевательски — он передразнивал стаю, бессильно переступающую с лапы на лапу, рыщущую, роющую снег и мёрзлую землю у стен хижины, чтобы попасть внутрь.

Сложно понять, сколько продолжалась эта дьявольская какофония, но грубый животный рёв неожиданно перебил, поглотил другой голос — чистый и мелодичный, зовущий. Звучащий в доме. Был он таким громким, таким властным, что подчинил себе и заставил умолкнуть всё сущее.

Теперь господствовал лишь он.

Тёмный силуэт у окна резко обернулся на новый, пугающий звук и тут же бросился к выходу, чтобы проверить задвижку, но опоздал — настежь распахнутая дверь зияла снежным прямоугольником.

— Что ты творишь, паршивец? Ты в своем уме? Живо запри дверь! — в отчаянном крике мужчины пульсировала неподдельная паника.

«Так вот, как это бывает», — отстранённо подумал Итан, оборвав свою песнь и облизав гладким языком пересохшие губы. Он отпустил дверную ручку и отошёл в сторону, освобождая проход.

В дом вошли его братья, как всегда весело толкаясь и смешливо переглядываясь, затем мать — у неё несильно кровил бок и она прихрамывала на левую ногу. Матушка ласково улыбнулась Итану и подбадривающе кивнула. Он понял, что она обязательно поправится. Последней, грациозно переступив порог, появилась из роящейся пурги сестра. Как же она была сейчас хороша — настоящая невеста, вместо фаты укрытая тончайшей снежной вуалью! Её белые острые зубки поблескивали даже во мраке, большие умные глаза смотрели на Итана с добротой и любовью, а шерсть, её прекрасная пушистая шерсть, с таким же редким благородным голубоватым отливом, как была у отца, вздыбилась на загривке.

— Вы знаете, сэр, — вежливо сказал мальчик, обращаясь к замершему в оцепенении хозяину хижины. — Моя сестра ведь тоже очень хотела с вами познакомиться. И моя мать. И мои братья. И я сам, — он выдержал небольшую паузу — не для пущего эффекта, ему действительно тяжело было собраться и произнести последние слова без дрожи в голосе. — Особенно после того, что вы сделали с моим отцом. Именно поэтому, сэр, я взял на себя смелость и пригласил мою семью в ваш милый дом.

Мужчина попятился от окна и вжался в дальний угол, послышалось его несвязное бормотание.

«Как странно, — размышлял Итан. — Где же вся храбрость, где сила, которыми этот дикарь так хвастался перед испуганным мальчишкой? Неужели он больше не хочет поведать о

том, как сдирал шкуры и развешивал по стенам отрезанные головы? Рассказать, что он сотворит со мной?»

Итану не всегда удавалось понять людей: они были лживы, трусливы и крайне редко готовы признаться хотя бы самим себе в том, кем являются на самом деле. Мальчик обернулся на близких — их глаза светились такой нежностью и любовью, каких он никогда не видел в других, человеческих глазах.

Впервые за несколько лет, за эти гнетущие несколько лет, Итан почувствовал, как груз ненависти и неотмщения спал с его плеч. На правах старшего мужчины в семье он торжественно произнес: «Ну что ж, матушка, приступим к рождественскому пиру!».

И празднество началось.

СКАЗАНИЯ МОРЕЙ

Киаван стоял на носу величественной «Бригид», подставляя береговому бризу своё изрезанное морщинами лицо. Кожа его загрубела от ветра за долгие годы хождения по морям, а зрение стало подводить, но всё же он ни с чем не спутал бы утёсы его родного и единственного дома — Уэст-Корка, который показался на горизонте.

Киаван вырос на краю Ирландии, но как ему самому казалось тогда — на краю земли. Его детство и юность прошли вблизи замка Дун-ан-Оир, построенного кланом О'Дрисколлов. Гордо возвышающийся на мысе острова Кейп-Клир он всегда был для Киавана путеводной звездой, в ночи ведущей его домой после рыбной ловли.

Мать Киавана звали Клиодна. Отца мальчик никогда не знал. «Ты носишь его имя, и этого достаточно» — весело, но непреклонно отвечала мать, пресекая любые расспросы на эту тему.

Несмотря на отсутствие в доме мужчины, жили они с матерью хорошо и ни в чём не нуждались. Соседи любили Клиодну за весёлый нрав и помогали, чем могли, а когда Киаван подрос и стал настоящим добытчиком — стало ещё легче.

Выходить в одиночку в море на старенькой курраxе Киаван начал с одиннадцати лет. Мать всегда спокойно и легко провожала его и никогда не волновалась, даже если сын задерживался. Киаван, как сейчас видел, — вот она стоит на берегу, смешливая, стройная, её густые, тяжёлые волосы — её гордость и сила — безжалостно раздувает ветер.

— Море не причинит тебе вреда, — ласково говорила мать и целовала Киавана в лоб, отпуская навстречу даже самым суровым волнам. — До тех пор, пока я жива, будь спокоен, мой мальчик.

— А когда тебя не станет? — по-детски прямо спрашивал Киаван.

Клиодна смеялась и отвечала: «А я постараюсь прожить как можно дольше!».

В воспоминаниях Киавана на лице его матери улыбка была почти всегда, редко видел он её серьёзной или грустной. Но не только свои — и чужие печали Клиодна быстро прогоняла прочь. Когда Киаван, бывало, грустил, Клиодна доставала свой деревянный гребень, садилась на стул, лицом к зеркалу, и лукаво спрашивала у сына: «Ну что, Киаван, поможешь матушке? А взамен я расскажу тебе историю».

Медленно-медленно двигался гребень сквозь непослушные волосы и так же неспешно складывались истории Клиодны: она рассказывала сыну о коварном змее Ойлифеисте, о бесплотных слуа, о древних великанах и банши, своим страшным криком предвещающих смерть. Неисчерпаемы были сказки Клиодны и никогда Киаван не мог предсказать их конец. Каких-то мифических персонажей он не знал, про других уже слышал, но что всегда удивляло Киавана, так это то, что никогда истории матери не походили на рассказы его друзей-мальчишек или чужих матерей.

Как-то раз, став постарше, Киаван попытался возразить матери: «Матушка, ты неправильно рассказываешь, я слыхал про Ниам — там было всё совсем не так!»

— Правда? — задумчиво улыбнулась Клиодна. — Ну что ж, возможно, ты стал слишком взрослым для моих сказок.

И с тех пор Клиодна не рассказала Киавану больше ни одной истории.

Небо темнело. «Бригид» прошла залив Роринг-Уотер, и команда готовилась к якорной стоянке. Впервые с момента своего первого восшествия на корабль Киаван увидел дом.

Отточенными движениями выполняя указания капитана, мужчина вспоминал, как одной страшной ночью, исступлённо работая вёслами, гнал он свою курраху вдоль скал в погоне за ложным светом. Тридцать лет минуло с того дня.

Тридцать лет минуло с того дня, как не стало его матери — прекрасной Клиодны. Спроси его сейчас — отчего умерла мать, Киаван не смог бы ответить. Просто в один миг её улыбка погасла, а вместе с ней погасла и жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.